

Толстой Лев Николаевич

**В чем моя вера? О
веротерпимости**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
В чем моя вера? О веротерпимости / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 226 с.

ISBN 978-5-519-77170-2

ISBN 978-5-519-77170-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

съ него и разсказалъ людямъ, какъ онъ повѣрилъ въ Христа?

Я также, какъ разбойникъ на крестѣ, повѣрилъ учению Христа и спасся. И это не далекое сравненіе, а самое близкое выраженіе того душевнаго состоянія отчаянія и ужаса передъ жизнью и смертью, въ которомъ я находился прежде, и того состоянія спокойствія и счастья, въ которомъ я нахожусь теперь.

Я, какъ разбойникъ, зналъ, что жилъ и живу скверно, видѣлъ, что большинство людей вокругъ меня живетъ такъ же. Я такъ же, какъ разбойникъ, зналъ, что я несчастливъ и страдаю, и что вокругъ меня люди такъ же несчастливы и страдаютъ, и не видалъ никакого выхода, кромѣ смерти, изъ этого положенія. Я такъ же, какъ разбойникъ къ кресту, былъ пригвожденъ какой-то силой къ этой жизни страданій и зла. И какъ разбойника ожидалъ страшный мракъ смерти послѣ бессмысленныхъ страданій и зла жизни, такъ и меня ожидало то же.

Во всемъ этомъ я былъ совершенно подобенъ разбойнику, но различіе мое отъ разбойника было въ томъ, что онъ умиралъ уже, а я еще жилъ. Разбойникъ могъ повѣрить тому, что спасеніе его будетъ тамъ, за гробомъ, а я не могъ повѣрить этому, потому что кромѣ жизни за гробомъ, мнѣ предстояла еще и жизнь здѣсь. А я не понималъ этой жизни. Она мнѣ казалась ужасною. И вдругъ я услышалъ слова Христа, понялъ ихъ, и жизнь и смерть перестали мнѣ казаться зломъ, и вмѣсто отчаянія, я испыталъ радость и счастье жизни, ненарушимыя смертью.

Неужели для кого-нибудь можетъ быть вредно, если я расскажу, какъ это сдѣлалось со мной?

I.

О томъ, почему я прежде не понималъ ученія Христа, и какъ и почему я понялъ его, я написалъ два большихъ сочиненія: Критику Догматическаго Богословія и новый переводъ и соединеніе четырехъ Евангелій съ объясненіями. Въ сочиненіяхъ этихъ я методически, шагъ за шагомъ, стараюсь разобрать все то, что скрываетъ отъ людей истину, и стихъ за стихомъ вновь перевожу, сличаю и соединяю четыре Евангелія.

Работа эта продолжается уже шестой годъ. Каждый годъ, каждый мѣсяцъ я нахожу новыя и новыя уясненія и подтвержденія основной мысли, исправляю вкравшіяся въ мою работу, отъ поспѣшности и увлеченія, ошибки, исправляю ихъ и дополняю то, что сдѣлано. Жизнь моя, которой остается уже немного, вѣроятно, кончится раньше этой работы. Но я увѣренъ, что работа эта нужна, и потому дѣлаю, пока живъ, что могу.

Такова моя продолжительная внѣшняя работа надъ богословіемъ, Евангеліями. Но внутренняя работа моя, та, про которую я хочу рассказать здѣсь, была не такая. Это не было методическое изслѣдованіе богословія и текстовъ Евангелій, а это было мгновенное устраненіе всего того, что скрывало самый смыслъ ученія и мгновенное озареніе свѣтомъ истины. Это было событіе, подобное тому, которое бы случилось съ человѣкомъ, тщетно отыскивающимъ по ложному рисунку значеніе кучи мелкихъ перемѣшанныхъ кусковъ мрамора; когда бы вдругъ по одному наибольшему куску онъ догадался, что эта совсѣмъ другая статуя; и, начавъ возстановлять новую, вмѣсто прежней безсвязности кусковъ, на каждомъ обломкѣ, всѣми изгибами излома сходящемся съ другими и составляющемъ одно цѣлое, — увидалъ бы подтвержденіе своей мысли. Это самое случилось со мной. И вотъ это-то я хочу рассказать.

Я хочу рассказать, какъ я нашелъ тотъ-ключъ къ пониманію ученія Христа, который мнѣ открылъ истину съ ясностью и убѣдительностью, исключаящими сомнѣніе.

Открытіе это сдѣлано было мною такъ: съ тѣхъ первыхъ поръ дѣтства почти, когда я сталъ для себя читать Евангелія, во всемъ Евангеліи трогало и умиляло меня больше всего то ученіе Христа, въ которомъ проповѣдуется любовь, смиреніе, униженіе, самоотверженіе и возмездіе добромъ за зло. Такова и оставалась для меня всегда сущность христіанскаго ученія, то, что я сердцемъ любилъ въ немъ, то, во имя чего я послѣ отчаянія, невѣрія, призналъ истиннымъ тотъ смыслъ, который придаетъ жизни христіанскій трудовой народъ и во имя чего я подчинилъ себя тѣмъ же вѣрованіямъ, которыя исповѣдуетъ этотъ народъ, т.-е. православной церкви. Но, подчинивъ себя церкви, я скоро замѣтилъ, что я не найду въ ученіи церкви подтвержденія, уясненія тѣхъ началъ христіанства, которыя казались для меня главными; я замѣтилъ, что эта дорогая мнѣ сущность христіанства не составляетъ главнаго въ ученіи церкви. Я замѣтилъ, что то, что представлялось мнѣ важнѣйшимъ въ ученіи Христа, не признается церковью самымъ важнымъ. Самымъ важнымъ церковью признается другое. Сначала я не приписывалъ значенія этой особенности церковнаго ученія. „Ну, что жъ,—думалъ я,—церковь, кромѣ того же смысла любви, смиренія и самоотверженія, признаетъ еще и этомъ смыслъ догматическій и внѣшній. Смыслъ этотъ чуждъ мнѣ, даже отталкиваетъ меня, но вреднаго тутъ ничего нѣтъ“. Но чѣмъ дальше я продолжалъ жить, покоряясь ученію церкви, тѣмъ замѣтнѣе становилось мнѣ, что эта особенность ученія церкви не такъ безразлична, какъ она мнѣ показалась сначала. Оттолкнули меня отъ церкви: и странности догматовъ церкви, и признаніе, и одобреніе церковью гоненій, казней, войнъ и взаимное отрицаніе другъ

друга разными исповѣданіями; но подорвало мое довѣріе къ ней именно это равнодушіе къ тому, что мнѣ казалось сущностью ученія Христа и, напротивъ, пристрастіе къ тому, что я считалъ несущественнымъ. Мнѣ чувствовалось, что тутъ что-то не такъ. Но что было не такъ, я никакъ не могъ найти; не могъ найти, потому что ученіе церкви не только не отрицало того, что казалось мнѣ главнымъ въ ученіи Христа, но вполне признавало это, но признавало какъ-то такъ, что это главное въ ученіи Христа становилось не на первое мѣсто. Я не могъ упрекнуть церковь въ томъ, что она отрицала существенное, но признавала церковь это существенное такъ, что оно не удовлетворяло меня. Церковь не давала мнѣ того, чего я ожидалъ отъ нея.

Я перешелъ отъ нигилизма къ церкви только потому, что созналъ невозможность жизни безъ вѣры, безъ знанія того, что хорошо и что дурно помимо моихъ животныхъ инстинктовъ. Знаніе это я думалъ найти въ христіанствѣ. Но христіанство, какъ оно представлялось мнѣ тогда, было только извѣстное настроеніе — очень неопредѣленное, изъ котораго не вытекали ясныя и обязательныя правила жизни. И за этими правилами я обратился къ церкви. Но церковь давала мнѣ такія правила, которыя нисколько не приближали меня къ дорожному мнѣ христіанскому настроенію, а скорѣе удаляли отъ него. И я не могъ идти за нею. Мнѣ была нужна и дорога жизнь, основанная на христіанскихъ истинахъ; а церковь мнѣ давала правила жизни, вовсе чуждыя дорогимъ мнѣ истинамъ. Правила, даваемые церковью о вѣрѣ въ догматы, о соблюденіи таинствъ, постовъ, молитвъ, мнѣ были не нужны; а правилъ, основанныхъ на христіанскихъ истинахъ, не было. Мало того, церковныя правила ослабляли, иногда прямо уничтожали то христіанское настроеніе, которое одно давало смыслъ моей жизни. Смущало меня больше всего то, что все зло людское — осужденіе частныхъ людей, осужденіе цѣ-

лыхъ народовъ, осужденіе другихъ вѣрѣ, и вытекавшія изъ такихъ осужденій: казни, войны,—все это оправдывалось церковью. Ученіе Христа о смирении, неосужденіи, прощеніи обидѣ, о самоотверженіи и любви на словахъ возвеличивалось церковью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одобрялось на дѣлѣ то, что было несовмѣстимо съ этимъ ученіемъ.

Неужели ученіе Христа было таково, что противорѣчія эти должны были существовать? Я не могъ повѣрить этому. Кромѣ того, мнѣ всегда казалось удивительнымъ то, что, насколько я зналъ Евангеліе, тѣ мѣста, на которыхъ основывались опредѣленные правила церкви о догматахъ, были мѣста самыя неясныя, тѣ же мѣста, изъ которыхъ вытекало исполненіе ученія, были самыя опредѣленные и ясныя. А, между тѣмъ, догматы и вытекающія изъ нихъ обязанности христіанина опредѣлялись церковью самымъ яснымъ отчетливымъ образомъ; объ исполненіи же ученія говорилось въ самыхъ неясныхъ, туманныхъ, мистическихъ выраженіяхъ. Неужели этого хотѣлъ Христосъ, преподавая свое ученіе? Разрѣшеніе моихъ сомнѣній я могъ найти только въ Евангеліяхъ. И я читалъ и перечитывалъ ихъ. Изъ всѣхъ Евангелій, какъ что-то особенное, всегда выдѣлялась для меня нагорная проповѣдь. И ее-то я читалъ чаще всего. Нигдѣ, кромѣ какъ въ этомъ мѣстѣ, Христосъ не говоритъ съ такою торжественностью, нигдѣ онъ не даетъ такъ много нравственныхъ, ясныхъ, понятныхъ, прямо отзывающихся въ сердцахъ каждого правилъ, нигдѣ онъ не говоритъ къ большей толпѣ всякихъ простыхъ людей. Если были ясныя, опредѣленные христіанскія правила, то онѣ должны быть выражены тутъ. Въ этихъ трехъ главахъ Матѳея я искалъ разъясненія моихъ недоумѣній. Много и много я разъ перечитывалъ нагорную проповѣдь и всякій разъ испытывалъ одно и то же: восторгъ и умиленіе при чтеніи этихъ стиховъ о подставленіи щеки, отдачѣ рубахи,

примиреніи со всѣми, любви къ врагамъ, и то же чувство неудовлетворенности. Слова Бога, обращенныя ко всѣмъ, были не ясны. Поставлено было слишкомъ невозможное отреченіе отъ всего, уничтожавшее самую жизнь, какъ я понималъ ее, и потому отреченіе отъ всего, казалось мнѣ, не могло быть непремѣннымъ условіемъ спасенія. А какъ скоро это не было непремѣннымъ условіемъ спасенія, то не было ничего опредѣленнаго и яснаго. Я читалъ не одну нагорную проповѣдь, я читалъ всѣ Евангелія, всѣ богословскія комментаріи на нихъ. Богословскія объясненія о томъ, что изреченія нагорной проповѣди суть указанія того совершенства, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, но что падшій человѣкъ весь въ грѣхѣ и своими силами не можетъ достигнуть этого совершенства, что спасеніе человѣка въ вѣрѣ, молитвѣ и благодати—объясненія эти не удовлетворяли меня.

Я не соглашался съ этимъ, потому что мнѣ всегда казалось страннымъ, для чего Христосъ, впередъ зная, что исполненіе его ученія невозможно однѣми силами человѣка, далъ такія ясныя и прекрасныя правила, относящіяся прямо къ каждому отдѣльному человѣку? Читая эти правила, мнѣ всегда казалось, что они относятся прямо ко мнѣ, отъ меня одного требуютъ исполненія.

Читая эти правила, на меня находила всегда радостная увѣренность, что я могу сейчасъ, съ этого часа, сдѣлать все это. И я хотѣлъ и пытался сдѣлать это; но какъ только я испытывалъ борьбу при исполненіи, я невольно вспоминалъ ученіе церкви о томъ, что человѣкъ слабъ и не можетъ сдѣлать самъ этого, и ослабѣвалъ.

Мнѣ говорили: надо вѣрить и молиться.

Но я чувствовалъ, что я мало вѣрю, и потому не могу молиться. Мнѣ говорили, что надо молиться, чтобы Богъ далъ вѣру, ту вѣру, которая даетъ ту молитву и т. д., до безконечности.

Но и разумъ и опытъ показывали мнѣ, что средство это не дѣйствительно. Мнѣ все казалось, что дѣйствительны могутъ быть только мои усилія исполнять учене Христа.

И вотъ, послѣ многихъ, многихъ тщетныхъ изысканій, изученій того, что было писано объ этомъ въ доказательство божественности этого ученія и въ доказательство небожественности его, послѣ многихъ сомнѣній и страданій, я остался опять одинъ съ своимъ сердцемъ и съ таинственной книгою передъ собой. Я не могъ дать ей того смысла, который давали другіе, и не могъ придать иного, и не могъ отказаться отъ нея. И только извѣрившись одинаково и во всѣ толкованія ученой критики, и во всѣ толкованія ученаго богословія, и откинувъ ихъ всѣ, по слову Христа: если не примите меня, какъ дѣти, не войдете въ царствіе божіе... я понялъ вдругъ то, чего не понималъ прежде. Я понялъ не тѣмъ, что я какъ-нибудь искусно, глубокомысленно переставлялъ, сличалъ, перетолковывалъ; напротивъ, все открылось мнѣ тѣмъ, что я забылъ всѣ толкованія. Мѣсто, которое было для меня ключомъ всего, было мѣсто изъ V гл. Мѣ. ст. 39.—„Вамъ сказано: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злу“. Я вдругъ, въ первый разъ понялъ этотъ стихъ прямо и просто. Я понялъ, что Христосъ говоритъ то самое, что говоритъ. И тотчасъ—не то, что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина возстала предо мной во всемъ ея значеніи. „Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. А я вамъ говорю: не противьтесь злу“. Слова эти вдругъ показались мнѣ совершенно новыми, какъ будто я никогда не читалъ ихъ прежде.

Прежде, читая это мѣсто, я всегда по какому-то странному затменію пропускалъ слова: *а я говорю: не противтесь злу*. Точно какъ будто словъ этихъ совсѣмъ не было, или они не имѣли никакого опредѣленнаго значенія.

Впослѣдствіи, въ бесѣдахъ моихъ со многими и многими христіанами, знавшими Евангеліе, мнѣ часто случалось замѣчать относительно этихъ словъ то же затменіе. Словъ этихъ никто не помнилъ, и часто, при разговорахъ объ этомъ мѣстѣ, христіане брали Евангеліе, чтобы провѣрить, есть ли тамъ эти слова. Также и я пропускалъ эти слова, и начиналъ понимать только со слѣдующихъ словъ: „И кто ударитъ тебя въ правую щеку... подставь лѣвую“... и т. д. И всегда эти слова представлялись мнѣ требованіемъ страданій, лишеній, не свойственныхъ человѣческой природѣ. Слова эти умиляли меня, мнѣ чувствовалось, что было бы прекрасно исполнить ихъ. Но мнѣ чувствовалось тоже и то, что я никогда не буду въ силахъ исполнить ихъ, только для того, чтобы страдать. Я говорилъ себѣ: ну хорошо, я подставляю щеку,—меня другой разъ прибьютъ; я отдамъ,—у меня отнимутъ все. У меня не будетъ жизни. А мнѣ дана жизнь, зачѣмъ же я лишусь ея. Этого не можетъ требовать Христосъ. Прежде я говорилъ это себѣ, предполагая, что Христосъ этими словами восхваляетъ страданія и лишенія, и, восхваляя ихъ, говоритъ преувеличенно и потому не точно и не ясно, но теперь, когда я понялъ слово о непротивленіи злему, мнѣ стало ясно, что Христосъ ничего не преувеличиваетъ и не требуетъ никакихъ страданій для страданій, а только очень опредѣленно и ясно говоритъ то, что говоритъ. Онъ говоритъ: „не противьтесь злему, и дѣлая такъ, впередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивъ васъ по одной щекѣ и не встрѣтивъ отпора, ударятъ и по другой; отнявъ рубаху, отнимутъ и кафтанъ; воспользовавшись вашей работой, заставятъ еще работать; будутъ брать безъ отдачи... И вотъ, если это такъ будетъ, то вы все-таки не противьтесь злему. Тѣмъ, которые будутъ васъ бить и обижать, все-таки дѣлайте добро“. И когда я понялъ эти слова такъ, какъ они сказаны, такъ сейчасъ же все, что было темно,

стало ясно, и что казалось преувеличенно, стало вполне точно. Я понялъ въ первый разъ, что центр тяжести всей мысли въ словахъ: „не противься злему“, а что послѣдующее есть только разъясненіе перваго положенія. Я понялъ, что Христосъ нисколько не велитъ подставлять щеку и отдавать кафтанъ для того, чтобы страдать, а велитъ не противиться злему и говорить, что при этомъ придется, можетъ-быть, и страдать. Точно такъ же, какъ отецъ, отправляющій своего сына въ далекое путешествіе, не приказываетъ сыну — не досыпать ночей, не доѣдать, мокнуть и зябнуть, если онъ скажетъ ему: „ты иди дорогой, и если придется тебѣ и мокнуть и зябнуть, ты, все-таки, иди“. Христосъ не говоритъ: подставляйте щеки, страдайте, а онъ говоритъ: не противьтесь злему, и, что бы съ вами ни было, не противьтесь злу. Слова эти: *не противьтесь злу или злему*, понятыя въ ихъ прямомъ значеніи, были для меня истинно ключомъ, открывшимъ мнѣ все. И мнѣ стало удивительно, какъ могъ я такъ навыворотъ понимать ясныя, опредѣленные слова. Вамъ сказано: зубъ за зубъ, а я говорю: не противьтесь злу или злему, и что бы съ тобой ни дѣлали злые, терпи, отдавай, но не противься злу или злымъ. Что же можетъ быть яснѣе, понятнѣе и несомнѣннѣе этого? И стоило мнѣ понять эти слова просто и прямо, какъ они сказаны, и тотчасъ же во всемъ ученіи Христа, не только въ нагорной проповѣди, но во всѣхъ Евангеліяхъ, все, что было запутано, стало понятно, что было противорѣчиво, стало согласно; и, главное, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось въ одно цѣлое и, несомнѣнно, подтверждало одно другое, какъ куски разбитой статуи, составленные такъ, какъ они должны быть. Въ этой проповѣди и во всѣхъ Евангеліяхъ со всѣхъ сторонъ подтверждалось то же ученіе о непротивленіи злу. Въ этой проповѣди, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, вездѣ Христосъ представляетъ себѣ своихъ учениковъ, т.-е.

людей, исполняющихъ правило о непротивленіи злу, не иначе, какъ подставляющихъ щеку и отдающихъ кафтанъ, какъ гонимыхъ, побиваемыхъ и нищихъ.

Вездѣ много разъ Христосъ говоритъ, что тотъ, кто не взялъ крестъ, кто не отрекся отъ всего, тотъ не можетъ быть его ученикомъ, т.-е. кто не готовъ на всѣ послѣдствія, вытекающія изъ исполненія правила о непротивленіи злу. Ученикамъ Христосъ говоритъ: будьте нищіе, будьте готовы, не противясь злу, принять гоненія, страданія и смерть. Самъ готовится на страданія и смерть, не противясь злымъ, и отгоняетъ отъ себя Петра, жалѣющаго объ этомъ, и самъ умираетъ, запрещая противиться злу и не измѣняя своему ученію.

Всѣ первые ученики его исполняютъ это правило непротивленія злу и всю жизнь проводятъ въ нищетѣ, гоненіяхъ и никогда не воздаютъ зломъ за зло.

Стало-быть, Христосъ говоритъ то, что говоритъ. Можно утверждать, что всегдашнее исполненіе этого правила очень трудно, можно не соглашаться съ тѣмъ, что каждый человѣкъ будетъ блаженъ, исполняя это правило, можно сказать, что это глупо, какъ говорятъ невѣрующіе, что Христосъ былъ мечтатель, идеалистъ, который высказывалъ неисполнимыя правила, которымъ и слѣдовали по глупости его ученики, но никакъ нельзя не признавать, что Христосъ сказалъ очень ясно и опредѣленно то самое, что хотѣлъ сказать: именно, что человѣкъ, по его ученію, долженъ не противиться злу и что потому тотъ, кто принялъ его ученіе, не можетъ противиться злу. А, между тѣмъ, ни вѣрующіе, ни невѣрующіе не понимаютъ такого простого, яснаго значенія словъ Христа.
